

*Высокий склеп привлёк мой взгляд,
Где мертвецы под сводом спят:
Пестрит от эпитафий он,
От ангелочков и колонн.
Богатства, доблести ли след,
Того он славит столько лет,
О ком живет поныне слух,
Но кто к нему давно уж глух.*

Томас Парнелл,
«Ночные стихи о смерти» (1721)¹

¹ Перевод с английского Михаила Савченко.

пролог

—О

бнаружили вашу мать.

Прошла почти неделя с тех пор, как отец сделал это заявление, и его слова до сих пор звенели у меня в ушах.

Харриет! Харриет нашлась! Кто мог в это поверить?

Харриет, пропавшая во время экспедиции в горах, когда мне едва исполнился год; Харриет, которую я не помню.

Как я отреагировала?

Оцепенение. Впала в полнейшее тупое безмолвное оцепенение.

Ни счастья, ни облегчения, ни даже благодарности к тем, кто нашел ее спустя десять лет после исчезновения в Гималаях.

Нет, я ощущала лишь ледяное оцепенение: позорное чувство, заставившее меня отчаянно мечтать об одиночестве.

Н

ачиналось все прекрасным английским утром. В такой потрясающий апрельский день, когда появляется солнце, внезапно кажется, будто лето в самом разгаре.

Солнечный свет пронзил пухлые белые облачка, и по зеленым полям игриво запрыгали тени, охотясь одна за другой на покатых холмиках. Где-то в лесах по ту сторону железной дороги пел соловей.

— Пейзаж напоминает цветную иллюстрацию из Вордсворта, — сказала моя сестрица Даффи, обращаясь преимущественно к самой себе. — Чересчур живописно.

Офелия, моя старшая сестра, изображала собою бледную молчаливую тень, предавшуюся размышлениям.

Здесь мертвецы под свободом снятся

В назначенное время, то бишь в десять часов утра, мы все собрались не то вместе, не то порознь на маленькой платформе полустанка Букшоу. По-моему, впервые в жизни я видела Даффи без книги в руках.

Отец, находившийся немного в стороне от нас, то и дело нервно поглядывал на наручные часы, а потом переводил взгляд на рельсы, щурясь и высматривая вдалеке дым.

Прямо за ним стоял Доггер. Как странно видеть их двоих на железнодорожной платформе посреди сельской глуши — джентльмена и слугу, вместе переживших ужасные времена и одетых в свои лучшие воскресные одежды.

Хотя когда-то полустанок Букшоу использовался для доставки в большой дом товаров и гостей и хотя рельсы сохранились, обветшавшее кирпичное здание вокзала уже целую вечность было заколочено.

Правда, за последние несколько дней его торопливо подготовили к возвращению Харриет: вокзал подмели, вычистили, заменили разбитые окна, на маленькой клумбе посадили много цветов.

Отцу предложили отправиться в Лондон и вернуться в Букшоу вместе с ней, но он захотел встретить поезд на полустанке. В конце концов, как он объяснил викарию, именно здесь и так он впервые ее встретил много лет назад, когда они были молоды.

Пока мы ждали, я обратила внимание, что отцовские сапоги отполированы до блеска, из чего заключила, что

Алан Бразли

сейчас Доггеру намного лучше. Бывали времена, когда Доггер кричал и всхлипывал по ночам, забивался в угол своей крошечной спальни, одолеваемый видениями далеких тюрем, мучимый призраками прошлого. Все остальное время он настолько разумен, насколько может быть разумен человек, и я поблагодарила небо, что сегодняшнее утро — один из таких периодов.

Сейчас мы нуждались в нем как никогда.

Там и сям на платформе, в отдалении от нас, стояли тесные маленькие группки деревенских жителей; они тихо переговаривались, оберегая наше уединение. Группа побольше собралась вокруг миссис Мюллет, нашей повари-хи, и ее мужа Альфа, словно их должности автоматически делали их членами нашей семьи.

Когда пробило десять часов, все внезапно умолкли, словно по сигналу, и в окрестностях воцарилась сверхъестественная тишина. Как будто землю накрыли огромным стеклянным колпаком, и весь мир затаил дыхание. Даже соловьи в лесах внезапно прекратили свои песни.

Воздух на платформе наэлектризовался, и наше общее дыхание создавало ветерок.

И наконец, спустя бесконечно долгие минуты тишины, вдалеке мы увидели дым поезда.

Он приближался и приближался, везя Харриет — мою мать — домой.

Воздух будто исчез из моих легких, когда сверкающий поезд въехал на станцию и со скрежетом остановился у платформы.

Здесь мертвецы под свободом снятся

Состав не был длинным: паровоз да с полдюжины вагонов, торжественно окутанный дымом после остановки. Наступило временное затишье.

Потом из последнего вагона вышел проводник и трижды резко свистнул в свисток. Двери открылись, и на платформу высыпали мужчины в форме: усатые военные с впечатляющим разнообразием медалей.

Они быстро образовали две колонны и замерли.

Высокий загорелый человек, которого я приняла за их начальника и чья грудь вся была покрыта орденами и лентами, промаршировал к моему отцу и вскинул руку в салюте так резко, что она завибрировала, словно ка-мертон.

Хотя отец, по-видимому, пришел в замешательство, он кивнул в ответ.

Из остальных вагонов высыпала толпа мужчин в черных костюмах и котелках, в руках они держали трости и сложенные зонтики. Среди них была кучка женщин в строгих костюмах, шляпках и перчатках; некоторые даже были облачены в форму. Одна из них, спортивная, но непривлекательная женщина в цветах Королевских военно-воздушных сил, производила впечатление такой мегеры и имела на рукаве столько полосок, что вполне могла оказаться вице-маршалом авиации. Я подумала, что этот маленький полустанок в Букшоу-холл никогда за всю свою длинную историю не принимал такое разнообразие человеческих типов.

Алан Бразли

К моему удивлению, одна из одетых в форму женщин оказалась сестрой отца, тетушкой Фелисити. Она обняла Фели, обняла Даффи, обняла меня и потом, не говоря ни слова, заняла позицию позади отца.

По приказу две колонны ловко промаршировали к голове поезда, и большая дверь грузового вагона отъехала в сторону.

При ярком солнечном свете было очень трудно что-то различить в сумрачных глубинах вагона. Я разглядела только что-то вроде дюжины белых перчаток, танцующих в темноте.

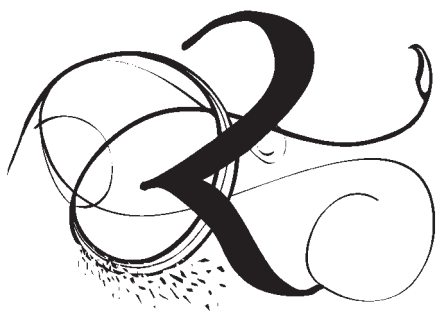
И потом аккуратно, почти нежно выплыл деревянный ящик, который приняли на плечи две колонны ждущих мужчин; секунду они стояли неподвижно, будто оловянные солдатики, уставившись прямо на солнце.

Я не могла отвести взгляд от этой штуки.

Это был гроб; явившись на свет из сумрака грузового вагона, он ярко сверкал под безжалостным солнцем.

Это Харриет. *Харриет...*

Моя мать.

О

чем я подумала? Что я почувствовала?

Я так и не поняла.

Вероятно, печаль от того, что наши надежды окончательно рухнули? Облегчение, что Харриет наконец вернулась домой?

Ей следовало бы лежать в гробу скучного черного цвета. С ледяными серебряными ручками и потупившими взгляд херувимами.

Но нет. Он сделан из роскошного дуба и отполирован до такого сверкающего блеска, что мне резало глаза. Я поймала себя на том, что не могу смотреть на него.

Довольно странно, но в этот момент мне вспомнилась сцена из концовки романа миссис Несбит «Дети железной дороги», когда на вокзале Бобби бросается в объятия несправедливо приговоренного к заключению отца.

Алан Бразли

Но для нас не будет трогательного финала, ни для меня, ни для отца, Фели или Даффи — ни для кого. Нет никакой счастливой развязки.

Я бросила взгляд на отца, как будто он мог подать мне знак, но он тоже застыл в своем персональном леднике за пределами скорби и проявления чувств.

Гроб был накрыт «Юнион Джеком».

Альф Мюллет резко вскинул руку в салюте и стоял так очень долго.

Даффи ткнула меня локтем в бок и сделала еле заметное движение подбородком.

В южном конце платформы в стороне от остальных стоял довольно полный пожилой джентльмен в темном костюме. Я сразу же узнала его.

Когда носильщики медленно двинулись в сторону от поезда, сгибаясь под печальной ношей, он уважительно снял черную шляпу.

Это был Уинстон Черчилль.

Что в этом мире могло привести бывшего премьер-министра в Бишоп-Лейси?

Он стоял в одиночестве, наблюдая в леденящем молчании, как мою мать несут к открытым дверям катафалка, возникшего словно ниоткуда.

Черчилль наблюдал, как гроб, сопровождаемый офицером с обнаженной саблей, аккуратно пронесли мимо отца, Фели, Даффи и меня, и затем встал плечом к плечу с отцом.

— Она была Англией, — проворчал он.

Здесь мертвецы под свободом спят

Словно пробудившись ото сна, отец поднял глаза и сосредоточил взгляд на лице Черчилля.

После очень долгой паузы он сказал:

— Она была бóльшим, премьер-министр.

Черчилль кивнул и сдвигал отцовский локоть.

— Мы не можем себе позволить терять де Люса, Хэвиленд, — тихо произнес он.

Что он имел в виду?

Краткий миг они стояли бок о бок в лучах солнца, двое мужчин, выглядевших так, будто они потерпели поражение, двое братьев по чему-то далеко выходившему за пределы моего понимания, чему-то, что я даже не могла вообразить.

Потом, обменявшись рукопожатиями с отцом, Фели, Даффи и даже тетушкой Фелисити, мистер Черчилль подошел к тому месту, где стояла я — чуть в стороне от остальных.

— А вы, юная леди, тоже пристрастились к сэндвичам с фазаном?

Эти слова! Именно эти слова!

Я слышала их раньше! Нет, не слышала — видела.

У меня внезапно волосы встали дыбом.

Голубые глаза Черчилля пронзительно смотрели на меня, как будто заглядывали в самую душу.

Что он имел в виду? На что, во имя всех святых, он намекает? Что, по его мнению, я должна ответить?

Боюсь, я покраснела. Это все, на что я была способна.

Алан Бразли

Внимательно вглядываясь в мое лицо, мистер Черчилль взял меня за руку и слегка сжал своими удивительно длинными пальцами.

— Да, — наконец пробормотал он себе под нос, — да, я уверен, что ты тоже.

И с этими словами он отвернулся и медленно зашагал по платформе, торжественно кивая головой направо и налево и приветствуя жителей по пути к ожидающей его машине.

Хотя он уже целую вечность не занимал эту должность, его пухлое тельце, бульдожье лицо и пристальный взгляд больших голубых глаз продолжали источать осязаемую ауру величия.

Даффи придвинулась к моему уху.

— Что он тебе сказал? — прошептала она.

— Что соболезнует, — соврала я. Не знаю почему, но я знала, что следует поступить именно так. — Только то, что он соболезнует.

Даффи бросила на меня косой злобный взгляд.

Как это возможно, подумала я, что сейчас, когда наша мать лежит мертвая прямо перед нами, мы, две сестры, на грани того, чтоб вцепиться друг другу в глотки из-за пустякового повода? Абсурд, но так обстоят дела. Могу предполагать только, что такова жизнь.

И смерть.

Что я знала наверняка, так это то, что мне надо домой — запереться в тишине своей комнаты.

Здесь мертвецы под свободом снятся

Отец был занят, обмениваясь рукопожатиями с людьми, желавшими выразить ему свои соболезнования. В воздухе повисло змеиное шипение повторявшихся «ссс»:

— Соболезную, полковник де Люс... мои соболезнования... соболезнования, — ему повторяли это снова и снова, каждый по очереди. Чудо, что отец не сошел с ума на этом самом месте.

Неужели никто не может придумать что-то пооригинальнее?

Однажды Даффи сказала мне, что в английском языке примерно полмиллиона слов. Имея такое разнообразие в своем распоряжении, можно предполагать, что хотя бы один человек может найти более оригинальные слова, чем глупое «мои соболезнования».

Вот о чем я раздумывала, когда от толпы отделился высокий человек в слишком толстом и тяжелом для такого чудесного дня пальто и приблизился ко мне.

— Мисс де Люс? — поинтересовался он удивительно приятным голосом.

Я не привыкла, чтобы ко мне обращались «мисс де Люс». Так обычно обращались к Даффи, или Фели, или к тетушке Фелисити.

— Я Флавия де Люс, — ответила я. — А вы кто?

Доггер научил меня давать такой ответ автоматически, когда со мной заговаривают незнакомцы. Я глянула вбок и увидела, что Доггер с внимательным видом стоит рядом с отцом.